

Владимир Прягин

Иллюстрация Сергея Дергачева

Штриховка

— **А**х, Николай Прокофьевич, вы даже не представляете, как я рад вашему визиту! Истинная удача, что вы откликнулись, выкроили денек! Вопросец-то деликатнейший, щекотливый — чужак тут такого может нагородить, что и в три года не разгребешь. А вы человек с понятием, всех нас знаете как облупленных — выросли по соседству, хоть и обретаетесь ныне в столичных высях...

Тараторя и улыбаясь, седеющий толстячок воодушевленно тряс руку гостю — господину лет тридцати. Разговор происходил в гостиной, на первом этаже старомодной, но добротной выстроенной усадьбы.

— Эх вы, однако, возмужали, заматерели! — не умолкал хозяин. — Не прошла для вас даром служба... Помню, помню, как вы тогда решили, да и отправились — судьбе, так сказать, навстречу. Оно и правильно — скучно молодым в гнездышке, охота мир повидать, себя показать опять же. Это мы тут кукуем по-стариковски...

— Как здоровье Маргариты Викентьевны? — спросил гость.

— Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Штрих-фон тут чистый, целебный — каждой клеточкой ощущается. Вот разве что в последние дни пошло замутнение — все из-за того треклятого инцидента... Но о делах — потом, позже, я и так вас уже заболтал с порога...

Отвернувшись на секунду от визитера, толстячок воззвал:

— Рита, Лиля, ну где же вы?

— Идем, идем, не волнуйся!

Супруга хозяина уже спускалась по лестнице — сухощавая, невысокая, со смеющимися глазами. Она сердечно обняла новоприбывшего, поцеловала в щеку:

— Здравствуйте, Коля, здравствуйте! Очень приятно вас снова видеть. А доча наша и вовсе в восторге будет — узнала, что вы приедете, и вся теперь прямо как на иголках, дожидаться не может...

«Доча» тем временем замерла на верхней ступеньке, словно не решаясь подойти к гостю. Услышав слова матери, она вспыхнула и хотела возразить, но Николай опередил ее:

— Вы чудесно похорошели, Лиля... э-э-э... Лилия Григорьевна.

Мать барышни попеняла ему с улыбкой:

— Полноте, Коля, к чему так официально? У нас тут

не великокняжеский бал. Тем более что вы Лилечку с детства знаете, чуть ли не с пеленок еще... А ты, дорогуша, прекращай там позировать — красоту твою уже оценили, можешь спускаться...

Часы пробили три пополудни.

За окном сиял и буйствовал поздний май. Оконные створки были распахнуты, занавески раздвинуты, однако ни шмели, ни мухи не залетали внутрь — штрих-защита действовала исправно. Лишь солнечный свет, пропитанный запахом цветущей сирени, врвался в гостиную беспрепятственно, перечеркивал паркет наискось и разбрызгивал искры, соприкоснувшись с дверцей стеклянного шкафа-горки. Обои с пестрым узором казались продолжением садового разноцветья.

— Мы, Николай, обедать не садились еще, к вашему приезду подгадывали, — сказал хозяин; он теперь тоже обращался к гостю без отчества. — Повар наш расстарался, ушица будет свежайшая. Вы в своем Петербурге от деревенской еды отвыкли, поди, совсем — ну так мы вам напомним. Пальчики оближете, уж будьте уверены...

Слуга, посланный на кухню, вернулся и доложил, что уха поспеет через двадцать минут. Хозяин усадьбы предвкушающе потер руки и принялся расспрашивать Николая об общих петербургских знакомых. Маргарита Викентьевна что-то шепнула дочери; та, бросив взгляд в овальное зеркало на стене, ойкнула и снова убежала наверх — поправить прическу. Мать девушки тоже извинилась и вышла. Гость, оставшись наедине с толстячком, сказал:

— Григорий Лукич, давайте, может, пока есть время, посмотрим на ту диковину, что вас настолько обеспокоила? Чтобы я мог поразмышлять более предметно.

— Я, признаться, не хотел вам аппетит портить, но раз уж вы сами упомянули... Пойдемте, Николай, предьявлю вам сию нерадостную находку. Придется чуть прогуляться — в комнатах я ее не стал бы держать, сами понимаете...

Они вышли из дома. Солнце припекало по-летнему, но листва еще не утратила весеннюю свежесть; ветерок оглаживал кроны. Раскормленная полосатая кошка лениво разлеглась у стены.

Усадьба была каменной, двухэтажной, с крошечным мезонином, похожим на сказочный теремок. Перед входом зеленела обширная, аккуратно подстриженная лужайка, которую обрамляли кусты сирени и развесистые старые липы.

Хозяйственные постройки прятались за деревьями. Григорий Лукич подвел гостя к дощатому некрашеному сарайчику и снял навесной замок; дверь недовольно скрипнула.

— Прошу, — сказал хозяин со вздохом.

Николай вошел, присмотрелся.

Передним лежала птица с размахом крыльев в аршин — вот только состояла она отнюдь не из костей и мяса, покрытых перьями. Туловище было металлическим, крылья же представляли собой помятый проволочный каркас, обтянутый плотной тканью. Шею заменяла суставчатая конструкция, на которой крепился блестящий шар размером с крупную сливу. Передняя часть шара была стеклянной.

— Где вы это нашли? — спросил Николай.

— За оврагом, почти у самой межи. То есть я эту штуку сначала в небе заметил — вроде птаха как птаха, но было в ней, знаете, что-то такое странное, неестественное, отталкивающее даже... Только я присмотрелся — она вдруг камнем вниз, будто подстрелил кто-то... Шлепнулась, кусты затрещали, Мичман — тотчас туда...

— Простите, перебыю. Мичман?

— Фокстерьерчик мой — умнейшее, доложу вам, создание... Я, когда верхом выезжаю, всегда его с собой беру, да... Ему эта гадость не понравилась сразу — залаял, прямо зашелся весь... Да и мне прикасаться к ней не хотелось, но оставлять ведь тоже нельзя — вдруг кто-то еще наткнется? Поэтому притащил сюда, замок повесил и стал прикидывать, с кем бы проконсультироваться...

— Становому, значит, не сообщали?

— Как-то, знаете, остерегся. Он молодой, в должности недавно — я к нему еще толком не присмотрелся. Да и бучу поднимать не хотелось. Сами представьте — начали бы они тут рыскать, выспрашивать, нашу Лилечку напугали бы... Ну и без штрих-сыска не обошлось бы — вот я и вспомнил, что вы как раз по этому ведомству... Адрес ваш у меня имелся — ваша матушка однажды оставила, когда заезжала в гости... В общем, послал вам весточку скорой почтой. Даже, признаться, не ожидал, что так быстро приедете — спасибо огромное еще раз...

— Не стоит благодарности. Постараюсь помочь.

Гость закончил осмотр, вышел из сарая и, пока хозяин снова запирает дверь, поинтересовался:

— Григорий Лукич, у вас есть догадки, откуда эта птица взялась?

— Ну, как бы вам сказать, Николай... Не хотелось бы никого ославить без повода, но вы же и сами знаете, кто в уезде меня на дух не переносит...

— А, вы про этого, как бишь его... Вы с ним лет двадцать назад судились...

— Про него, чтоб ему пусто было. Недаром же люди говорят — чернокнижник...

— Давайте все же не забегать вперед. Первая версия — необязательно верная.

— Да-да, конечно! Вы профессионал, вам и карты в руки! Но сначала — обед, а то меня совесть совсем замучает. Да и девочки заругают, скажут — утащил дорогого гостя, похитил коварным образом...

— Вы им, кстати, так и не рассказали про эту вашу находку?

— Даже не заикался. Они у меня натуры чувствительные, особенно доча...

Николай кивнул. Лиля была в семье Григория Лукича единственным и поздним ребенком — родители души в ней не чаяли. Ей только что исполнилось восемнадцать — и она всю жизнь провела в родовом поместье.

В доме уже накрывали стол.

Уха действительно оказалась выше всяких похвал. Наваристая, жирно-желтая, с розоватыми кусочками рыбы и накрошенной зеленью, она исходила аппетитнейшим паром. Едва Николай успел опустошить тарелку, как ему в ультимативном порядке налили еще одну. Он, впрочем, не очень-то и отказывался.

Обедали впятером — хозяин с женой и дочерью, Николай, а также учитель Лили, немец Густав Рудольфович, к которому тут настолько привыкли, что считали, по сути, членом семьи. По-русски он говорил свободно и чисто, причем с особенным удовольствием употреблял идиомы.

Гостя расспрашивали о жизни в столице, о нашуевшей театральной премьере, о запланированной регате по случаю тезоименитства его величества. Звучали вопросы и о работе, но Николай отшучивался — в Департаменте штрих-воздействий все, дескать, настолько секретно, что нельзя даже выдавать, сколько ступенек на крыльце перед входом. Тем не менее разговор о штриховке все же зашел, хоть и в несколько абстрактном ключе.

— Мне кажется, — горячо говорила «доча», — что в старину все делалось проще и в то же время — масштабнее... Вы только, пожалуйста, не принимайте на свой счет, Николай! Ваш департамент — очень серьезная организация, нужная! Но ведь даже вашим лучшим специалистам, насколько я понимаю, приходится выполнять целый ритуал, чтобы получить результат...

— Но как же иначе, Лилия?

— Вот я и говорю — сейчас иначе никак! А уж если не профессионал за дело берется, а аматёр какой-нибудь, самоучка, то и вовсе — без смеха смотреть нельзя. Вот хотя бы...

Она указала на распахнутое окно, и все обитатели дома, что-то припомнив, дружно заулыбались.

— Мы ведун деревенского пригласили, чтобы защите от мух поставил. Ох, Николай, вы бы видели, что тут было! Ведун этот — дедулька седенький, колоритный такой и ветхий уже совсем...

— Сто лет в обед, — вставил немец Густав Рудольфович.

— Ага, если не все сто двадцать... Он, наверное, с полчаса вдоль подоконника тут бродил, прищурился, пришептывал что-то... «Мухи — кыш, в доме — тишь», — примерно в таком вот духе...

Николай тоже усмехнулся:

— Это вполне обычное дело для тех, у кого способности — средние. Приходится долго сосредоточиваться, чтобы уйти от привычного визуального восприятия и увидеть штрихи, волокна смысловых образов. Кому-то и стишки помогают — настраивают на рабочий лад, так

сказать. Ведун-то ваш в результате справился, разве нет?

— Справился, кто же спорит? Он, вообще, хороший, старательный, хоть и смешно на него смотреть... Просто я вспоминаю былины, сказки, где какой-нибудь волхв ударит посохом в землю, произнесет волшебное слово, и тут же — раз! Ураган идет, вековые сосны к земле склоняются... Нет, я понимаю — это, скорее всего, лишь выдумки, но все равно жалею, что теперь так никто не может...

Домочадцы снова развеселились, но Николай остался серьезен. Он негромко спросил у Лили:

— Значит, вы хотели бы посмотреть, как действует волшебное слово? Не «мухи, кыш», а настоящее, мощное?

— Ой, я что-то не понимаю, к чему вы клоните...

— Просто хочу устроить наглядную демонстрацию.

Она пригрозила пальцем:

— Николай, я вас раскусила — вы собираетесь меня разыграть. Но ничего не выйдет, я ведь уже не маленькая!

— Неужели откажетесь?

Все с интересом ждали ответа. Лиля сказала с приторным вздохом:

— Ладно, уговорили, показывайте ваш фокус. Но чур — если слово и впрямь волшебное, то оно должно действовать само по себе. Чтобы мы, как только его услышим, сразу увидели результат. Иначе нечестно!

— Это я и планирую. Только, если позволите, чуть попозже — нужен несколько другой антураж.

— Вот-вот, — вмешалась Маргарита Викентьевна. — Сначала у нас десерт!

— Брюхо — глухо, словом не уймешь, — глубокомысленно подытожил Густав Рудольфович.

Из-за стола поднимались разомлевшими и довольными. Мать предложила Лиле:

— Прогуляйтесь с Колей в саду, там благодать сейчас.

— А и правда, Николай, пойдете на наше старое место?

Сад, обширный и чуть запущенный, честно хранил прохладу; листья тихо шуршали. Лилия подвела гостя к неохватному дубу — с качелями, прикрепленными к толстой ветке.

Она устроилась на деревянном сиденье, легонько оттолкнулась ногами. Николай, стоя рядом, неторопливо вытащил портсигар, чиркнул спичкой. Струйка ароматного дыма бесследно растворилась в листве.

— Помните, Николай, как вы меня тут раскачивали? Сколько уже прошло — лет десять, не меньше? Вы со мной скучали, наверное. Вы ведь тогда уже взрослый были, а я — ребенок...

— Ну почему — скучал? Вы были очень забавная. Заявили мне однажды категорически, что, как только вырастете, я должен на вас жениться...

Румянец проступил на ее щеках — и хотя его скрадывала густая тень от дубовой кроны, Лилия перевела разговор на другую тему:

— Расскажите все-таки про работу. Должно же там быть хоть что-нибудь без секретов? Меня всегда, например, интересовало, в каком виде штрихи представляются человеку, который профессионально их изучает...

— Ну, в рабочем режиме все выглядит... Как бы это сказать... Мир напоминает детский карандашный набросок — видны отдельные линии, которые сплетаются в смыслы. Если штрих немного подправить, то изменится и реальность... Некоторые люди этим злоупотребляют, поэтому и существует штрих-сыск...

— Ой, как же все это увлекательно... Хотя сама я бы в жизни не решилась пойти на такую службу. Вы ведь не с безобидными старичками дело имеете, вроде нашего ведуна, а с чернокнижниками, со всякой жутью кошмарной... Я как-то слышала краем уха — даже железо додумались оживлять... Бр-р, как представляю... Прямо какое-то инстинктивное отвращение...

Она передернулась, а гость невольно взглянул в ту сторону, где за деревьями приткнулся сарай с трофейной металлической птицей.

— Да, — продолжала Лилия, — я, вообще, трусиха и домоседка. За все эти годы, вообразите, даже в уездном городе не была. Иногда сама удивляюсь... Но мне в поместье хорошо и уютно — да еще и папенька надо мной трясется, никуда отпускать не хочет. Здесь, говорит, самое безопасное место, никакая жуть не достанет...

— Он, в общем-то, прав. Ваш отец — из древнего дворянского рода, у него мощнейший штрих-дар, унаследованный по мужской линии. Григорий Лукич, правда, не умеет управлять штрихами осознанно, на примитивно-прикладном уровне — зато держит общий фон. Понимаете, о чем я? Пресловутых мух он прогнать не может, это для него слишком мелко, но оберегает поместье в целом. Поэтому здесь — уют и комфорт...

— Да я-то понимаю — и не жалею совершенно. Но все равно иногда хочется куда-нибудь съездить, попутешествовать... Особенно в последнее время — вспоминаю постоянно, что уже взрослая, а ничего не видела толком. Надо бы с папенькой, пожалуй, поговорить... Может, и вы, Коля, поучаствуете? Он вас уважает — глядишь, прислушается...

Она встала с качелей, пошатнулась неловко — и ухватила за его руку. Барышня с гостем оказались совсем близко друг к другу, их взгляды встретились. Шелест листвы на мгновение стих — сад будто затаил дыхание, подглядывая. Но тут Лилия снова залилась краской и, отведя глаза, сказала преувеличенно бодро:

— И вообще, вы нам обещали фокус с волшебным словом! Думаете, я забыла? А вот и нет! Публика требует — и чтобы больше никаких отговорок!

Он изобразил поклон:

— Не смею перечить, сударыня! Но, как я и говорил, нужен антураж. Где у вас тут центр поместья? Штриховой, я имею в виду, а не географический. Чтобы эффект был по-настоящему сильный.

— Центр? Скорее всего, пригорок — ну, знаете, вон в той стороне...

— Ах да, верно, припоминаю. Тогда давайте я отправлюсь прямо туда, осмотрюсь немного, а вы, если не трудно, позовите всех остальных.

Она убежала в дом, а Николай, пройдя через сад и прилегающий луг, поднялся на искомый пригорок. Вид оттуда открылся великолепный. К западу из-за

деревьев торчала вишнево-красная крыша дома; к востоку блестела речка, за которой зеленели поля. И над всем этим раскинулось небо — синее и прозрачное.

А чтобы любоваться было приятнее, на пригорке стояла вкопанная скамейка.

Он, впрочем, не стал садиться — просто сделал глубокий вдох и сосредоточился.

Прислушался к своим ощущениям.

Да, пожалуй, здесь самое подходящее место, узловой пункт. Если отсюда пойдет воздействие, то все должно получиться...

— Ну что, готовы, господин фокусник?

Лиля вернулась в сопровождении Григория Лукича и немца-учителя. Не было только Маргариты Викентьевны — она, как объяснил ее муж, почувствовала недомогание и прилегла отдохнуть.

— Начнем, — сказал Николай. — Григорий Лукич, вы — хозяин поместья, а значит, на вас завязана вся штриховка в окрестностях. Вы разрешаете мне воздействие?

— Ну конечно, Коля, что за вопрос? Я всецело вам доверяю.

— Благодарю. Итак, сейчас прозвучит обещанное волшебное слово.

Все присутствующие затаили дыхание. Глядя главе семейства прямо в глаза, Николай раздельно произнес:

— Палимпсест.

Повисла пауза.

Затем толстячок моргнул:

— Что, простите?

— Я тоже не поняла, — призналась Лиля растерянно. — То есть слово-то мне знакомо — оно из науки и из искусства. Так называется новый текст или, может, рисунок, сделанный поверх старого...

Григорий Лукич вдруг явственно вздрогнул и застыл, полуоткрыв рот.

— Папа? Что с тобой?

— Не бойтесь, Лиля, — сказал Николай спокойно, — с ним все в порядке, он просто кое-что вспомнил. Это касается вас — и вашего будущего.

— О чем вы? Объясните немедленно!

— Посмотрите туда.

Он вытянул руку, указав направление; Лиля машинально повернула голову. За рекой над полем что-то мигнуло и замерцало в воздухе. Николай комментировал:

— Стирается внешний слой, фальшивый рисунок.

— Что значит «фальшивый»?!

— Когда-то его нанес ваш отец, хоть и неосознанно. Заштриховал поместье со всех сторон, желая вас защитить.

— Защитить от чего? — В голосе Лили уже сквозила истерика.

— У вас была аллергия — очень редкая, почти экзотическая. Помните, вы сказали, что вас пугают ожившие железяки?

Лиля вскрикнула, попыталась рвануться прочь, но Николай ее удержал:

— Тише, тише, вам больше нечего опасаться. Подобная аллергия — чисто возрастное явление. Она

проходит, когда человек становится взрослым. Просто смотрите, вы сейчас все поймете...

Теперь стало видно, что родовые земли накрыты неким подобием прозрачного купола. По его поверхности прошла рябь, а в следующее мгновение купол этот исчез — и проявилось то, что было снаружи.

Лиле с трудом удалось себя убедить, что все происходит наяву.

Над полем плыла гигантская металлическая конструкция. Продолговатая, словно лодка, с открытой палубой в средней части и с башенкой на корме, с выступающим килем и с решетчатым коническим носом, она сочетала в себе громоздкость и невесомую элегантность. Чуть дальше виднелась еще одна летающая машина — в форме расплющенного цилиндра с вертикальным хвостовым оперением.

— Не чернокнижие, а механика особого рода, — объяснял Николай. — Железо не оживает, Лиля. Его просто двигают при помощи штрих-воздействий. Причем воздействия эти настолько специфические и сильные, что у некоторых детей, имеющих обостренное восприятие, возникает болезненная реакция. Это, как я сказал, похоже на аллергию. Выход один — дожидаться взросления, когда восприятие обретет устойчивость, резистентность...

— Но почему мне сразу ничего не сказали? — спросила Лиля, нахмурившись. — Папа, почему ты молчишь?

Она обернулась к отцу, но тот, присев без сил на скамейку, не смог ничего ответить — лишь судорожно вздохнул, вытер пот со лба дрожащей рукой и умоляюще посмотрел на гостя.

— Григорий Лукич и сам обо всем забыл — настолько мощным оказалось его желание создать заповедник, где дочке будет уютно и где никто не напомнит ей о вещах из внешнего мира, которые могут ее всерьез напугать. А вместе с ним забыли и остальные, кто жил в поместье. Память возвращалась, если выехать за пределы, но ведь выезжали только слуги. Родители же всегда оставались с вами. Власти разобрались в ситуации и не вмешивались — решили, что закон тут не нарушается, а для вас такое уединение оптимально. Разве что предупредили соседей...

Дочь села рядом с отцом и обняла его. Николай продолжал:

— На днях вам исполнилось восемнадцать — детство кончилось, аллергия сошла на нет, и настало время снимать защиту. Сюда послали птицу-разведчика — проверить, не ослабел ли «купол». Птица упала, но в итоге все получилось как нельзя лучше — ваш отец связался со мной. Я, естественно, поспешил. Ну а финал вы только что наблюдали — Григорий Лукич все вспомнил и снял штриховой барьер.

— Значит, я могу теперь ездить, куда хочу?

— Конечно. В мире много интересного, уж поверьте. Вон, кстати, еще гигант — трансконтинентальный экспресс...

Лиля смотрела не отрываясь. Испуг все еще плескался в ее глазах, но к нему уже примешивался восторг.